

ВИЛЛЕМ РОГХЕМАН

[58]

ил 4/2020

Стихи

Перевод с нидерландского и вступление
АНАСТАСИИ АНДРЕЕВОЙ

Стихотворения фламандского поэта Виллема Рогхемана уже публиковались в российских журналах, а в 1998 году, в Москве, был издан его сборник “Воздушный пловец” с блестящими переводами Дмитрия Сильвестрова. С тех пор на родине поэта вышло более десяти его новых книг, стихи переводились на многие европейские языки и публиковались за рубежом. В предлагаемой вниманию читателей подборке стихи, вошедшие в две последние книги “Конец авангарда” (2016) и “Сейчас — уже в прошлом” (2018).

Поэзию Рогхемана отличает насыщенность образами, многосмысловая нагрузка текста, экспрессивность, сочетающаяся с тонкой иронией. Это стихи-размышления и стихи-картины одновременно. В них много неожиданного и нового, при этом очевидно глубокое понимание и следование литературным традициям мировой культуры. Если использовать определение подлинного произведения искусства, которое дает Герман Брох в своем романе “Смерть Вергилия”, то можно сказать, что поэзия Рогхемана — рождающая. Она не только дарит читателю эстетическое удовольствие, но и незаметно меняет угол зрения, меняет что-то в самом процессе мышления, открывая таким образом возможность для рождения нового восприятия мира.

© Анастасия Андреева. Перевод, вступление, 2020

Редакция выражает благодарность Виллему Рогхеману за любезное разрешение безвозмездно напечатать его стихи на страницах журнала.

Я попросила Виллема Рогхемана написать для этой публикации несколько слов о том, как он сам видит поэтическое ремесло, чем для него является поэзия. В заключение привожу высказывание поэта. Думаю, что это поможет читателю лучше понять и его стихи.

Поэзия — это вид искусства, точно так же как классическая музыка или живопись, и безусловно столь же значима. Она не имеет прямой социальной необходимости, но должна расцениваться как привилегия. Жизненно важная привилегия, потому что без творчества человеческое существование не оправданно.

Материал поэта — язык, что создает огромные трудности, потому что для работы им используются те же слова, которые каждый использует в повседневности. Но поэт использует их совершенно иначе. Не для практического общения, а для создания произведения искусства, которое могло бы взволновать или по меньшей мере смутить читателя, и тем самым навести его на размышления. Отсюда вытекает и существующее глубокое заблуждение насчет поэзии. Большинство людей не читает стихов, потому что “там же ничего непонятно”. Они, по всей видимости, ждут, что поэзия им что то сообщит, как сообщает газета или письмо. В то время как поэт в стихотворении пытается открыть новые возможности языка для его воплощения.

Существует множество эмоций и оттенков ощущений, которые человек не осознает. А когда это все же случается, он не может до конца понять, что с ним происходит, потому что эти переживания еще не были названы. Тогда он просто говорит: “Для этого у меня нет слов”. Задача поэта найти эти слова.

ВИЛЛЕМ РОГХЕМАН

Воображаемый двойник

В то время об этом не могло идти речи.
Никто не видел, куда он дел его тело.
Скорее всего, не было никакого тела.

И все-таки, все-таки...

Видимо, он не посмел выйти из зеркала.
Или спрятался внутри тени, испугавшись,
что его растерзает безжалостный свет.

Теперь только ночь может прикоснуться к нему,
укрывать его своим темным зимним манто.
Когда звери начали ходить на двух ногах,

они сошли с ума, написал здесь кто-то.
Он просыпается в чужой постели и понимает,
что никому не снятся такие сны, как ему.

*Verba valent usu*¹

Слова лелеют — это старое правило.
Пока дождь идет в наших садах,
кто-то читает им вслух весну.

Слова устаревают и забываются.
Становятся руинами речи, утратившей
смысл, глазницами в темноте.

Кто-то с прозрачным лицом
видит гротеск лунного света.
Полнеет улица, словно женщина,

и ребенок превращается в сатира.
Занявченный, он слушает под рокот
вулкана мертвые голоса из Помпей.

С тех пор ничто больше не однозначно.

Подделку не отличить от оригинала.
Сердце пропускает удар, и еще
одна секунда стерта с циферблата.

Первое утро уже надвигается
с резко засвеченным восходом солнца.
В каждом повторении есть что-то новое.

Зеленый

Зеленые знамена иллюзии трепещут
обнадеживающе на фасадах зимних дворцов,
возникает легкое движение во времени,
которое дымом отражается в зеркале —
картины всевозможных средневековых болезней,
снова явленных как дань почтения музам.

1. Слово сильно в действии (*лат.*). В толковом словаре нидерландского языка дано следующее определение этого латинского выражения: “Слова имеют те значения, которые оправданы их использованием”. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

Человек тогда был сведен к латинскому слову,
к странице молитвенника, к недоразумению,
закутан в ангельские одежды английских купален,
купелей, со скопищем благочестивых мыслей,
устремленных к исправлению тени мира
на фотографическом негативе памяти.

Ничего другого не осталось, кроме желания,
и воздух был внезапно пронизан зеленым,
повсюду наступило лето, полное аномалий,
как в фантастической повести, в собрании снов,
как в партитуре совершенной ночи, наполненной
звуками, которые якобы дарят блаженство.

Все, что дарит мысль

1

Ха, теперь воображение высоко пылает.
Ты можешь все себе представить, все ощутить.
Идеи прорастают, как глухой сорняк,
окаменевшему голосу наперекор.
И, обретая форму, обретают жизнь.
И усмеваются на горе своей древние боги.

То, что дарит мысль, принимаешь благодарно:
результат деления или возведения в степень,
глагольную форму, восклицательный знак после
вопля отвращения, заключенный в кавычки
абсурдный диалог и даже одинокую концовку:
и так далее.

Кто-то разорвал завесу реальности
и смотрит туда, где спрятались сны.
Это освобожденный, изображенный мир.
Все, что когда-то было придумано, обманывает
до сих пор, будь то Гринвичский меридиан,
тропик Рака, яблоко Ньютона или шпартгалка.

Стихи Оуэна еще плывут по Эйзеру¹.
Вода пытается определить свои черты.

1. Английский поэт Уилфред Оуэн принимал участие в сражениях и был убит во время Первой мировой войны. У реки Эйзер, рядом с городом Диксмейде в Западной Фландрии, проходили ожесточенные бои, в которых погибло много бельгийцев. В память об этом установлен памятник — Башня на Эйзере.

Ко всему безучастные, две темные нимфы
шепчутся у окна. Шесть платанов глубоко
задумались над значением скукоженных слов,
таких как гипотенуза, теорема Пифагора.

Сегодняшний день вступает в свои права.
Прерван бесконечный сказ Шахерезады,
из-за ее слов появилась расщелина в небе,
и хрупкие облака вскричали от боли.
Проснувшийся народ рукоплещет лунатику,
но тут его пантомима предается земле.

Кто-то возносит свою сияющую тень,
а тишина, сбегая, уносит его речь.
Русалки, мотыльки, единороги —
под мантией любви все приходит в движение.
Пальцы солнца прощупывают Землю.
В земле все истинно, а также все напрасно.

2

Да, воображеньем предоставлен шанс,
но прошлого обтрепанный подол мешает,
и автор запинаясь о внутренние рифмы.
Мотор заводится, и набирает скорость текст.
То, что другие сделали до нас, сокрыто
в тишайших залах брошенных библиотек.

Потому что поэт есть дух, имеющий пять ран,
чья память распадается на фрагменты,
как антикварный сервис на черепки,
хранящие следы прошедшей жизни.
Его пути — это пути отчаянья.

Все мы становимся жертвами времени.
Вчерашний день канул в болоте веков.
Отчий дом стоит теперь, покосившись,
заволокли сомнения горизонт.
Все движется к пределу бытия,
и от риторики молчания боль во рту.

Истина выставлена на показ.
Во тьме расстояний проявляются
световые годы.
И мир начинает ныть, как старомодный,
богобоязный клочок земли,

страшащийся всего, что может распутиться словом,
страшащийся всего, что дарит мысль.

3

[63]

ил 4/2020

Любая мысль наделена существованием,
и все, что называешь, становится видимо,
даже когда названия не имеет.

А ты присутствуешь там в полной мере?
Нет, вынужден остаться невидимкой,
не вычисляемым на долготе времен.

Желание достигнуть переправы или
найти любовь в военном городке под утро.
Всю ночь идет без остановок поезд.
Заветным кажется название конечной.

Стихотворение – квадратный корень сна.
Сбегает лунатик из своего кошмара.
Город – это поющие фальшиво джунгли.

Нет ничего, что недоступно мысли.
